

Вечный колокол Хатыни

80 лет трагедии: вчера и сегодня мемориала памяти

Для многих поколений белорусов это место в 54 километрах северо-восточнее Минска стало поистине святым. Воздвигнутый здесь мемориал – трагическое напоминание об ужасах войны, символ памяти миллионов погибших белорусов и 216 деревень, повторивших страшную судьбу Хатыни.

По поручению Президента мемориальный комплекс к скорбной дате обновили и отреставрировали. В немалой степени благодаря молодежи: БРСМ объявил Хатынь Всебелорусской молодежной стройкой.

В первые мартовские дни, когда весна вела неистовую борьбу за свои права с зимой, мы отправились в мемориальный комплекс. Чтобы вспомнить, увидеть, почтить память невинных жертв войны...

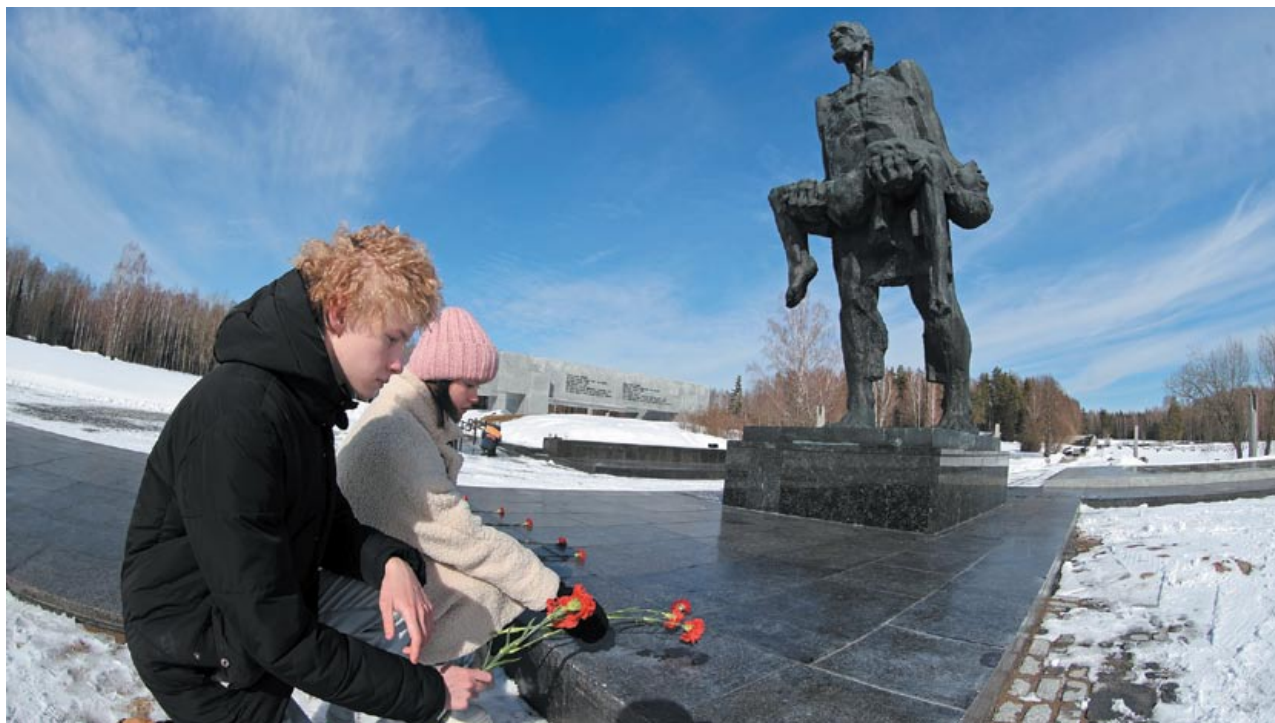
Мемориал официально открыли более полувека назад, 5 июля 1969 года.

За это время по его земле прошли миллионы людей. В гостевой книге остались тысячи и тысячи записей, в человеческих душах – потрясение от увиденного, память на всю жизнь. Мемориальный

комплекс сам по себе как-то незаметно стал памятником истории – трагичным и одновременно величественным, поучительным.

Представить страшно, как выглядела в первое время после освобождения Беларусь: сожженные деревни, разрушенные города, братские могилы

Хатынь. Март 2023 года

Обновленный мемориальный комплекс, как и прежде, сурово напоминает о сестрах Хатыни – белорусских деревнях, сожженных вместе с жителями во время Великой Отечественной войны

езде и всюду. Власти проводили титаническую работу, пытаясь определить количество погибших и масштабы разрушений.

В Хатыни на месте захоронения останков сгоревших в огне сельчан установили три креста. Позже появился бетонный обелиск со звездой – такие в то время ставили сотнями по всей стране. До нас дошли кадры кинохроники 1950-х годов, запечатлевшие на месте сожженной деревни дорогу и колодец с журавлем. Можно разглядеть еще несколько сараев, то ли уцелевших, то ли построенных уже в мирное время. Но жизнь в деревне не возродилась, слишком страшным было для людей это место.

«На протяжении 1965 года не было однозначного мнения, что комплекс должен быть создан именно в Хатыни».

Скромный памятник из бетона на братской могиле жителей Хатыни простоял до 1964 года. Его сменил столь же неброский монумент «Скорбящая мать». Излишне помпезные памятники, как писали газеты тех лет, являлись буржуазными проявлениями, идеологически чуждыми советским людям. И День Победы отмечали не так, как в наши дни: проводили собрания, в честь праздника засту-

пали на стахановские вахты. Даже первый после 1945 года парад Победы прошел в 1965-м, когда 9 мая объявили нерабочим днем. Уже выросло первое послевоенное поколение, а в стране все продолжались процессы над нацистскими преступниками.

Как возникла идея увековечить память сожженных мирных жителей именно в Хатыни, точно нельзя сказать. Никаких документальных свидетельств на этот счет нет. Но в вышедшей в 1984 году книге мемуаров первого секретаря ЦК КПБ в 1956–1965 годах Кирилла Мазурова «Незабываемое» упоминается следующий эпизод. «В один из воскресных дней конца сентября 1963 мы с Т. Киселевым – тогда Председателем Совета Министров БССР – выехали в окрестности Минска, – пишет автор. – Километрах в пятидесяти по Витебскому шоссе свернули вправо по первой попавшейся дороге. Вышли на небольшую поляну. В центре, на взгорье, увидели сожженную деревню, в которой после войны так никто и не поселился. Десятка два обгорелых печных труб, словно памятники, поднимались к небу. От самих дворов и дворовых построек почти ничего не осталось – только кое-где серые каменные фундаменты. От пастуха услышали страшную историю о трагической гибели деревни Хатынь. Возникла идея увековечить Хатынь и ее жителей».

– Возможно, все так и было, – рассуждает директор государственного мемориального комплекса «Хатынь» кандидат исторических наук Артур Зельский. – Единственное, что смущает меня в этой истории, печные трубы: вряд ли они могли уцелеть. Если какие-то печи и оставались после сожжения села, их скорее всего разобрали жители близлежащих деревень. Ни на одной послевоенной фотографии, в том числе на фото из архива выжившего Виктора Желобковича, свидетеля хатынской трагедии, никаких труб нет. И в воспоминаниях Желобковича, который регулярно приезжал в родную деревню после войны, никакие трубы не упоминались. Может быть, Кирилл Мазуров увидел какое-то другое место. Или два похожих места слились в его воспоминаниях в одну картинку.

Так или иначе, став в 1965 году первым заместителем Председателя Совмина СССР, Мазуров поручил новому руководителю республики Петру Машерову реализовать эту идею. Оба бывших партизана, они поняли друг друга без лишних слов.

Артур Зельский

– Но даже на протяжении 1965 года не было однозначного мнения, что комплекс должен быть создан именно в Хатыни, – продолжает Артур Зельский. – Например, известно, что во время открытия военного мемориала в Россонах, где похоронена мать Машерова, руководитель БССР предлагал возвести мемориал на месте уничтоженной фашистами деревни Велье, располагавшейся неподалеку. Рассматривались и другие варианты.

В числе обязательных критериев для выбора места будущего мемориала фигурировали и такие: деревня должна быть, как тогда говорили, невозродившейся и находиться как можно ближе к столице.

Поначалу речь шла о создании мемориального знака, потом о музее-заповеднике и музее-памятнике. 30 декабря 1965 года министр культуры БССР М. Минкович направляет первому секретарю ЦК КПБ письмо, в котором читаем следующие строки: «в целях увековечивания памяти... считаем необходимым на месте

Народный художник БССР Сергей Селиханов – автор всемирно известной скульптуры «Непокоренный человек» в мемориальном комплексе «Хатынь». 1968 год

бывшей деревни Хатынь Логойского района создать музей-заповедник с комплексом соответствующих сооружений». Это первый официальный документ, в котором упоминается мемориал в Хатыни.

Весьма оперативно, уже 17 января 1966 года, Президиум ЦК КПБ принял постановление об открытии филиала Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и установке мемориального знака на месте бывшей деревни Хатынь.

– Неопределенность со статусом объекта была вполне оправдана в то время, – считает Артур Зельский. – На возведение комплекса такого масштаба в союзном бюджете статья расходов не предусматривалась. Кроме того, подобную стройку нужно было бы начинать с утверждения проекта в Москве. Видимо, присутствовали опасения, что на союзном уровне его не утвердят. Поэтому все ретушировали. Да, на уровне БССР в прессе строительство освещалось. Тайны никто не делал, но подавалось все чуть ли не как создание памятника на месте сожженной деревни.

Логойская районная газета «Ленінскі сцяг» в те годы писала: «На беларускай зямлі было нямала вёсак, жыхароў якіх знішчылі фашысцкія вылюдкі. Мяркуецца, што вёска, блізкая да сталіцы, стане як сімвал помніка ўсім загінуўшым ад рук фашысцкіх варвараў».

В марте 1967 года объявили конкурс на создание проекта мемориала, в котором победил коллектив авторов: архитекторы Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин, скульптор, народный художник БССР С. Селиханов.

«Работа над проектом захватила нас, – вспоминал Леонид Левин. – Мы придумали венцы срубов на месте бывших домов, обелиски в виде печных труб, но чего-то не хватало. Заросшее травой поле, свидетель трагедии, хранило мертвую тишину. И вдруг в этой щемящей душу тишине неожиданно запел жаворонок. Звук, тут должен быть звук!».

Так родилась идея колоколов Хатыни.

Журналисты зачастую называли происходящее на месте сожженной Хатыни общесоюзной стройкой. Но это не так.

– Это был полностью внутрибелорусский проект. Конечно, гранит везли из Украины, мрамор – из России, но покупали-то за счет средств республиканского бюджета, – уточняет Артур Зельский.

В конце 1968 года строительство шло к завершению. Но у руководства БССР созрела новая идея – придать мемориалу более мощное звучание, и в феврале 1969-го принимается решение о строительстве второй очереди. Она включала в себя

«Кладбище деревень», «Стену памяти концлагерей» и композицию Вечного огня. Тридцатого июня в мемориальном комплексе состоялся первый траурный митинг с участием руководства БССР, ветеранов и пионеров. Во время мероприятия, как вспоминал архитектор Л. Левин, люди вставали на колени...

«Тайны никто не делал, но подавалось все чуть ли не как создание памятника на месте сожженной деревни».

Как удалось за пять месяцев разработать проект и возвести, считай, половину мемориала? «Перешли на военное положение», – читаем в мемуарах Л. Левина. Люди работали без выходных, до глубокой ночи, а рано утром снова за дело. В изготовлении урн, решеток, плит и других элементов конструкций участвовали около десяти минских и борисовских предприятий. Успели в срок. Руководство республики осталось очень довольно. Но вот на союзном уровне возникли вопросы.

После открытия мемориального комплекса «Хатынь» в постпредстве Совмина БССР в Москве организовали выставку, посвященную мемориалу. На открытие пришла министр культуры СССР Е. Фурцева. Л. Левин вспоминает, что, ознакомившись с чертежами и фотографиями, она разразилась яростной тирадой: «Почему Москва не знала? Это что за работа? Это же издевательство над искусством! Что скажут потомки, когда увидят такого старика? Оборванного, несчастного... Неужели

Митинг памяти жертв фашизма в Хатыни. 1974 год

За более полувека мемориальный комплекс «Хатынь» посетили миллионы людей со всего мира. 2003 год

нельзя было поставить фигуру солдата, спасшего детей? Кто разрешил все это? Здесь и близко нет нашего искусства! Памятник нужно сносить. Под бульдозер!».

«Это был единственный на территории СССР мемориал, а не памятник, посвященный трагедии именно мирных жителей в годы войны».

Похоже, «Непокоренный человек» никак не вписывался в идеологические советские каноны. Архитектор Ю. Градов между тем в свое время так пояснял идею авторов: «Мы от чего отталкивались? В то время процветала гигантомания – Мамаев курган, Курская дуга Вучетича. А Хатынь – камерная, 6 метров высоты. Мы исходили из масштаба простого деревенского дома».

– Мемориал действительно отличается своей несоветскостью, – говорит кандидат исторических наук Артур Зельский. – Он абсолютно заземленный и лишенный помпезности, соответствует образу небольшой Беларуси. И, наверное, в то время это был единственный на территории СССР мемориал, а не памятник, посвященный трагедии именно мирных жителей в годы войны.

Реакция всесильного министра культуры Союза ССР, на удивление, никоим образом не повлияла на решение комитета по присуждению Ленинских премий. 1 апреля 1970 года на тайном голосовании за Хатынь было отдано 36 голосов из 38. Архитекторы Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин и скульптор С. Селиханов стали лауреатами самой престижной советской премии.

– Можно сказать, Хатынь родилась как внутренний заказ народа – назревший, но поначалу лишенный отчетливых форм, – размышляет Артур Зельский. – Многие события собирались, концентрировались в одной точке: случайная поездка Мазурова, идеи Машерова, изначальная задача, которая затем в корне трансформировалась.

В Хатынь потянулись вереницы автобусов из всех союзных республик. Приезжало туда немало высокопоставленных зарубежных гостей, в том числе руководителей государств – Ф. Кастро, Р. Ганди, генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр. В июле 1974-го мемориальный комплекс посетил президент США Р. Никсон. Советский переводчик В. Суходрев вспоминал позже подробности этого визита. По его словам, Никсон до посещения мемориала пребывал в прекрасном расположении духа, но, «осматривая комплекс, президент был явно взволнован. Склонив голову, стоял у Вечного огня, внимательно слушал рассказы ветеранов партизанского движения». В конце американец выглядел печальным и задумчивым. Западные журналисты связали плохое настроение с тем, что на родине против лидера США шла процедура импичмента. Но об этом Никсон знал еще до прилета в СССР. Выходит, «виновата» Хатынь? Сложно остаться равнодушным после услышанного и увиденного даже прагматичному американцу.

Из прошлого – в будущее

Мемориальный комплекс в Хатыни до сих пор самый известный в мире символ трагедии белорусского народа в годы войны. Его открытие стало отправной точкой для установления исторической справедливости, сбора неопровержимых фактов геноцида.

Созданию композиции «Кладбище деревень», например, предшествовала серьезная научно-исследовательская работа по установлению сожженных фашистами населенных пунктов вместе с жителями. Еще в 1960-х точно не знали, сколько их, деревень, разделивших трагическую участь Хатыни. Канонической стала цифра 186 – именно столько имен хатынских сестер навсегда были увековечены в мемориальном комплексе. Но расследование Генеральной прокуратуры в 2021–2022 годах в рамках уголовного дела о геноциде белорусского народа открыло страшную правду: судьбу Хатыни повторили еще минимум 30 деревень.

В любом уголке нашей страны найдется место, напоминающее нам об ужасах войны и величайшей трагедии, которую пережил белорусский народ. Но мемориал «Хатынь» особый, знаковый. Печально-трепетный звон его колоколов отзывается болью в

Президент поддержал инициативу БРСМ: Хатынь объявили Всебелорусской молодежной стройкой. 2022 год

сердце каждого белоруса. По бетонным дорожкам комплекса за эти годы прошли целые поколения.

Увы, время не щадит даже камни. После последних ремонтно-восстановительных работ минуло почти двадцать лет, и то, что пришло время предпринять конкретные действия ради мемориала, вернее, его будущего, уже ни у кого не вызывало сомнений.

«Если сейчас мы этого не сделаем, то этого не сделает никто».

В прошлом году в Хатынь на республиканский субботник приехал Президент Александр Лукашенко. Он принял участие в закладке парка исторической памяти из 149 саженцев – по количеству погибших в 1943-м жителей деревни. Зашел разговор и о состоянии мемориала. Директор комплекса А. Зельский говорит, что он тогда очень хорошо запомнил слова главы государства: если сейчас мы этого не сделаем, то этого не сделает никто.

По поручению Президента в комплексе вскоре развернулись работы – капитальный ремонт с модернизацией и элементами реставрации, возведение музея. «Главное – экспозиция, которая там будет. Чтобы люди пришли и прежде чем ступить сюда ногой, чтобы у них сердце уже рвало», – напутствовал глава государства.

Президент поддержал инициативу БРСМ: Хатынь объявили Всебелорусской молодежной стройкой. В составе сводного студенческого отряда более двухсот волонтеров со всей страны трудились на объектах мемориального комплекса.

– Конкуренция была серьезная, чтобы попасть сюда, – отмечает Артур Зельский. – Не ради престижа или строительного опыта какого-то. Для них это возможность приобщиться к большому делу, выразить свою благодарность прадедам за мир, почтить память погибших.

Сегодня мемориал «Хатынь» переживает второе рождение.

– Проведенный капитальный ремонт очень серьезный, – рассказывает Артур Зельский. – Несмотря на сжатые сроки, сделали на совесть и уверены: бетонные основания простоят еще десятки лет. Старые элементы по возможности сохранили, ведь

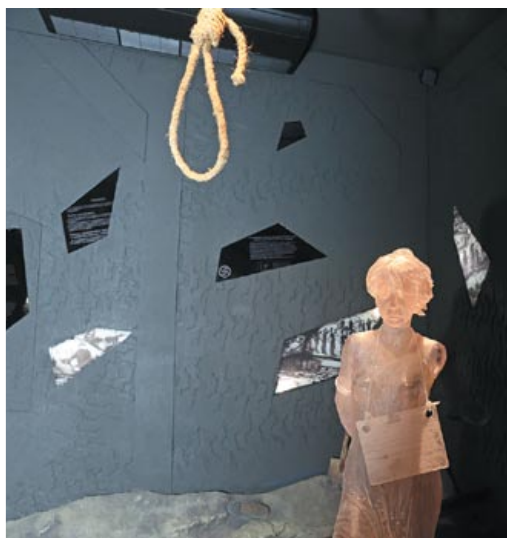
По инициативе Президента в мемориальном комплексе возвели музей. Его экспозиция потрясает до глубины души

Хатынь сама по себе памятник истории: ко многим ее плитам прикасались исторические личности. Появились также новые объекты – музей и храм, о которых говорил Президент во время посещения мемориального комплекса.

Собственно, музейная экспозиция в Хатыни – нереализованная задумка авторов мемориального комплекса. В июне 1967 года Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин в письме в ЦК КПБ упоминали об этом, сокрушаясь, что идея не находит нужной поддержки.

– К сожалению, в те годы музеефикация не была проведена, – констатирует А. Зельский. – Не предполагалось, что на месте будут дополнительно рассказывать о трагедии белорусского народа, мемориал задумывался как филиал музея истории Великой Отечественной войны. Тем не менее это удивительно: в мемориальных комплексах, возведенных в других республиках СССР, строились музейные здания. В Хатыни же на протяжении десятилетий о том, что здесь произошло в далеком 1943-м, рассказывали

Фрагменты экспозиции хатынского музея

Храм со звонницей о трех колоколах возродили в Хатыни по сохранившимся в архивах инвентарным описям XIX столетия

экскурсоводы, да из буклетов-открыток можно было кое-что почерпнуть.

Музей в Хатыни, безусловно, нужен – в этом историк Зельский ни на йоту не сомневается. Это большое дело, которое достойно оценят потомки: благодаря поддержке Президента его возвели в обновленном мемориальном комплексе, убежден собеседник.

«Эту колоссальную гуманитарную трагедию необходимо осмыслить и прочувствовать современникам. И еще раз напомнить всем: белорусы хотят одного – мира!».

– Наш музей – не типичный, он особенный, место памяти. Он призван оказывать прямое воздействие и на сознание, и на чувства людей, – говорит директор комплекса. – Чтобы во время экскурсии по нему люди осознали: наш народ перенес такие испытания, что можно лишь удивляться, что мы все еще существуем как нация. Только во Второй мировой войне погиб каждый третий белорус. Эту колоссальную гуманитарную трагедию необходимо осмыслить и прочувствовать современникам. И еще раз напомнить всем: белорусы хотят одного – мира!

Возвести, а точнее восстановить в Хатыни храм – тоже идея главы государства. Когда-то здесь была

деревянная церковь со звонницей о трех колоколах, построенные еще в XVIII веке на старом деревенском кладбище. На богослужения собирались прихожане со всей округи.

От хатынского храма после войны не осталось даже руин. Но в архивах сохранились его инвентарные описи за 1806 и 1819 годы, где все зафиксировано до мельчайших подробностей. Известен даже цвет церковных занавесок на оконных проемах – пепельный. Данные описей помогли при строительстве новой церкви. Она, как и прежняя, деревянная, со звонницей с тремя вновь отлитыми колоколами. «В этом скорбном месте посетители могут подумать и поразмышлять, как люди могли совершать такие действия, почему погибли наши соотечественники. Это нужно и живым, и мертвым, чтобы о них шла молитва в храме, который здесь устроится», – горячо поддержал возрождение церкви в Хатыни Митрополит Минский и Заславский Вениамин, Патриарший Экзарх всея Беларуси.

Храм освятили накануне 80-й годовщины трагедии, чтобы уже в день памяти посетители мемориального комплекса могли поставить свечу, помолиться о невинноубиенных. И церковный перезвон зазвучал в унисон с вечными скорбными колоколами Хатыни.

Алексей ГОРБУНОВ
Фото Максима ГУЧЕКА, из архива БЕЛТА